

А. Н. Юркина
Екатеринбург, Россия

ДИСКУРСИВНЫЙ ПОРТРЕТ МОСКВЫ В ВОСПРИЯТИИ «НОВЫХ» ЭМИГРАНТОВ

АННОТАЦИЯ. На материале произведений А. Гениса, Л. Горалик, Т. Толстой рассматривается образ сегоднешней повседневной речи, звучащей в транспорте, магазинах и кафе, на улицах, фиксируемой на рекламных щитах и растяжках, т. е. «низовой» дискурс повседневности. Показана эклектика современного российского рекламного и бытового дискурсов в условиях культурной глобализации. Смещение лексики разных языков порождает комический эффект, приводит к асемантизму высказывания, нарушению речевых норм. Писатели, приехавшие в Москву после десятилетнего отсутствия, исконно московские словечки воспринимают с умилением, но особенно остро отмечают негативные процессы в речевой сфере. Стремление к сохранению чистоты русского языка сближает их позицию со стратегией языковой идентичности русских эмигрантов начала XX в. Вместе с тем особенности эмиграции конца XX — начала XXI вв., не означающей фатальной отторженности от родины, лишают произведения, выбранные для анализа, идеализации и ностальгии, усиливают ироническую окраску повествования. Москва, если использовать выражение А. Гениса, видится «мировой столицей с инфернальным, но комическим оттенком», что ярко проявляется в повседневной речевой коммуникации. За американизированной поверхностью по-прежнему скрывается почти языческая вера в магическое слово.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: литература русского зарубежья; речевой портрет; национальный менталитет; глобализация.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Юркина Алла Николаевна, аспирант, Институт филологии, культурологии и межкультурной коммуникации, Уральский государственный педагогический университет; 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26; e-mail: semuhkina@mail.ru.

Русские эмигранты «первой волны», испытывая ностальгию по оставленной родине, нередко идеализировали в своих произведениях образ Москвы, России, покинутого дома. В творчестве авторов, уехавших в 1970—1980-х гг., напротив, нередко рисуется негативный портрет российской действительности с ее материальными и психологическими тяготами, «застоем» и двоемыслием. Мироотношение авторов так называемой «четвертой волны» эмиграции (конец XX — начало XXI вв.) иное: они не чувствуют себя абсолютно оторванными от России, могут иметь двойное гражданство, свободно переезжать из страны в страну. Эти люди реализуют жизненный сценарий, определенный собственным выбором, без внешнего давления или ограничений. Сокращая расстояния и новые средства связи, делающие коммуникацию мобильной и доступной, «поверх» границ. Писатели новой формации воспринимают эмиграцию как свободный выбор, сделанный в пользу самореализации личности в сфере профессиональной деятельности. Об изменении установки авторов по отношению к «своему» и «чужому» миру пишет И. Н. Минеева: «Доминирующее не одно десятилетие в их жизни и творчестве амплуа писателя, постоянно сравнивающего и противопоставляющего мир советский — иностранный, прошлый — настоящий, свой — чужой, уходит. Теперь для них становится определяющей идея не противопоставления, а объединения мира. Сегодня парадигма сознания проживающих

за пределами России русских писателей обусловлена онтологией не изгнания, как это было прежде, а возвращения, перехода/переходности, вписывания в новое культурное поле» [Минеева 2013: 47].

«Нулевые» годы нового столетия ознаменовались ростом экономического благосостояния россиян, изменением повседневного уклада жизни в период «стабильности». Писатели, проживающие или подолгу бывающие за границей, вновь приезжая в Москву, острее замечают произошедшие перемены. В качестве материала для анализа нами выбраны фрагменты из книг Л. Горалик «Недетская еда. Без сладкого» [Горалик 2010], Т. Толстой «Легкие миры» [Толстая 2014], А. Гениса «Странник. Путевая проза» [Генис 2011]. Линор Горалик, писатель, журналист, культуролог, живет и работает в России и в Израиле, много ездит по другим странам, для нее важна не столько национальная идентичность, сколько неповторимо личное мировосприятие, свободное от каких-либо ограничений. Взгляд Александра Гениса на Москву — одновременно взгляд американца и русского провинциала, о чем он пишет с самоиронией [Генис 2011: 70—71]. Татьяна Толстая фиксирует изменения в русской речи, замеченные ею «после десяти лет в Америке» [Толстая 2014: 274]. Основанием для сопоставления произведений выбранных авторов послужило определенное сходство в восприятии ими новых российских реалий: «москвее некуда», по выражению Л. Горалик, Москва видится «мировой

столицей с inferнальным, но комическим оттенком» [Генис 2011: 71]. Будучи профессиональными писателями, они фиксируют прежде всего речевой портрет новой для них Москвы; разумеется, дискурсивные практики россиян раскрывают и некие константы национальной психологии, и сдвиги в миропредставлении новейшего времени (оговоримся, что речь идет о Москве начала 2000-х гг.). В поле внимания вновь приехавших в Москву попадает повседневная речь: в транспорте, магазинах и кафе, на улицах, рекламных щитах и растяжках, т. е. «низовой» дискурс повседневности. В данном случае мы используем «широкое» понимание дискурса как коммуникативного взаимодействия [Поэтика 2008: 60; Жиличева 2013: 23, 27].

Прежде всего отмечаются те речевые обороты, от которых рассказчики успели отвыкнуть за границей, словечки, воспринимаемые как характерно московские. Т. Толстая в эссе «Яичечко» возносит хвалу уменьшительным суффиксам, причем упоминают эти суффиксы, как правило, при упоминании еды: «Морковочки положить? Хлебца? Колбаску кушайте. <...> Слова дают сигнал: тут мирно, тут спокойно, уютно, как в детстве; расслабьтесь» [Толстая 2014: 277]. Это суффиксы задабривания, обещания, доверия. «Вот жена мужу говорит в магазине: „Какой сырик купим?“ Это она не к сырику любовь испытывает, это она воркует с мужем...» [Толстая 2014: 278]. Финал эссе звучит уже с явной иронией, подчеркивая традиционное московское хлебосольство и неистребимую «обломовщину»: «Винцо и водочка. Селедочка под свеколкой. Картошечка. (С солечкой). И с лучком. Маслице, особенно маслице. Колбасынька. Яичечко. Сырик. На хлебушке. Потом чаёк. И спатеньки» [Толстая 2014: 279]. Ей вторит Л. Горалик: «Фантастическое явление: в каждый мой приезд в Москву я немедленно обретаю привычку называть продукты в магазине уменьшительными именами. „Сырок“, „колбаска“. Это воздух, что ли?» [Горалик 2010: 52]. Характерно, что Ю. С. Степанов, описывая константы русской культуры, в разделе «Хлеб» использует форму «хлебушко» и упоминает «московскую сдобу» [Степанов 2001: 284—285]. А. Генис, по контрасту с «обывательскими» сантиментами, отмечает уже не картошечку и яичечко, а изысканные блюда в «вителиевом меню» модного ресторана: «...Москва кормит своим: рыжиками, солянкой из осетрины, филе по-суворовски», а включив блюда грузинской, армянской, азербайджанской и вообще заморской кухни, «властно восстановила

империю» [Генис 2011: 73]. Рассказчик замечает, что «новая кухня объединила с миром ту часть Москвы, которая может себе ее позволить. Остальные смотрят телевизор» [Генис 2011: 74], т. е. процветание отнюдь не для всех, большинство так и остались в прежних рамках закрытого для них, по финансовым причинам, общества. Сытость как жизненная ценность приобретает формы гротеска. Л. Горалик: «Новая реклама Черкизовского мясокомбината: карта России, выложенная из окороков, колбас и сосисок» [Горалик 2010: 79; более подробный анализ тематического мотива еды см.: Решетникова 2014: 261—269].

Авторы отмечают те слова, которые они успели забыть: «черемша» [Горалик 2010: 51], «натоптыш» [Толстая 2014: 275], с иронией комментируют свои ошибки, например, Л. Горалик увидела в зоомагазине когтеточку: «У меня просто спазм в горле: какая нежность, господи... Деточка... Вуалеточка... Когтеточка...» [Горалик 2010: 52]. Однако в подтексте ощущается и сарказм — за ласкательно-уменьшительными суффиксами, умильностью речи могут скрываться отточенные «когти».

Особый разряд слов составляют эфемерные сленговые выражения, нередко пришедшие из просторечия: «феньки», «мульки», «фишки» ставят в тупик Т. Толстую. А вот Л. Горалик спокойно употребляет, например, слово «мулечка» (сувенир ручной работы, отмеченный *couleur locale*, типа палехских шкатулок, фарфоровых мышек из города Мышкина, туесков и проч.). Так что в данном случае мы имеем дело просто с дискурсом разных поколений, словечки быстро становятся модными и вскоре забываются. А вот речевые ошибки, искажение русского языка все авторы воспринимают болезненно, особенно — в области синтаксиса. Т. Толстая отметила частотность употребления выражения «видим о том...» [Толстая 2014: 274—276]. В начале XX в. Н. А. Тэффи с горечью писала о русских эмигрантах, забывающих родной язык в фельетоне «Я видел собаку сидеть»: «Находятся еще желающие освежить в памяти родную речь. — От глагола „жать“, — спрашивают, — как первое лицо? — Я жму. — Странно. А я как-то читал „жну“. — „Жну“. — это если в поле. А если руку, то „жму“. — „Гм... А если руку жать в поле, тогда как?“» [цит. по: Творчество Н. А. Тэффи и русский литературный процесс первой половины XX века 1999: 277]. Теперь же у самих москвичей речевая небрежность свидетельствует о пренебрежении родным языком, о глубинной неграмотности и неспособности логически мыслить, анализировать.

Отмечают авторы и макаронический стиль речи, смешивающей слова разных языков, когда на самые обычные предметы и явления наклеиваются звучные иностранные слова-ярлыки (подобные фирменным лейблам). Тэффи также отмечала у эмигрантов утрату языкового инстинкта, когда происходит распадение звука и смысла слова — под влиянием иноязычной языковой среды.

Русский парижанин утешает приехавшего из Берлина соотечественника:

«— Подождите, найдем вам какое-нибудь *meuble*...

— А в каком бецирке дешевле?

— Что?

— Я спрашиваю, в каком бецирке...

Господи, да вы совсем по-русски говорить разучились. Ну, кто же говорит „в бецирке“!

— А как же по-русски?

— По-русски это называется арондисман» [Тэффи 1998: 173; см. также: Барковская 2003].

Современные авторы фиксируют случаи, обусловленные просто неграмотностью и незнанием языков, например, у Л. Горалик: «паштет из гуси» — или в меню какого-то кафе: «Крылья птицы Фри» [Горалик 2010: 41]. Автор комментирует: «Птица Фря, родная сестра Гуси, из которой паштет». Но гораздо чаще встречаются броские слова в рекламе, причем лишённые смысла. М. А. Черняк, характеризуя «ридингофобию» как диагноз современности, приводит цитату из романа Павла Крусанова «Мертвый язык»: «...человек изо дня в день обречен смотреть бесконечный сериал об обладании, потребляя уже не вещи, но их визуальные имитации — эталонные образцы, имиджи, рекламные химеры» [Черняк 2015: 23]. О таких рекламных химерах пишет Т. Толстая: «А еще через год-два Москва встретила меня словами: „Купите болюсы Хуато!“ Реклама в метро, на улице, в газетах просто надрывалась: вы еще не купили болюсы Хуато? Вам срочно нужны болюсы Хуато! Лживые и продажные люди протягивали мне что-то с экрана телевизора: вот ваши болюсы! У всех есть уже болюсы Хуато! Счастье в болюсах!» [Толстая 2014: 276]. Борис Гройс в одном из интервью также упоминает асемантический набор иноязычной лексики в рекламе: «Что поменяло Москву в 90-е, когда я приезжал сюда в первый раз после эмиграции, — это коммерческая реклама. Огромное количество растяжек. Помню, что они все носили такой абсурдный характер. Первая реклама, которая меня поразила, это была растяжка через Тверскую: „Если вы пошлете ваш инпут на наш сайт, то получите

наш аутпут на вашем терминале“» [Гройс]. В книге Л. Горалик читаем: «В „Пицца Сбарро“ надпись: „Купи СТАФФ и получи салат бесплатно!“ <...> Да продайте нам СТАФФ и подавитесь вашим салатом!» [Горалик 2010: 61]. Она же отмечает надпись в обменнике на Арбате: «Клиенты с СУММАМИ обслуживаются вне очереди» [Горалик 2010: 200]. А. Генис отметил «соблазнительную рекламу женского, видимо, корсиканского, белья: трусы назывались „Вендетта“» [Генис 2011: 78]. Нередки случаи рекламы, когда забвение омонимии, свойственной русскому языку, ведет к комической двусмысленности: «Сев в такси, я привычно сосредоточился, готовясь к первому впечатлению. Как всегда, Москва не обманула. Сразу за Шереметьево, у въезда на шоссе, нас встретил огромный рекламный щит: „ТЕПЛЫЙ ПОЛ С ИНТЕЛЛЕКТОМ“. — Вот видишь, — сказала польщенная жена, — теперь здесь не говорят: „Курица — не птица, баба — не человек“» [Генис 2011: 70].

Как показал В. И. Тюпа, рекламный дискурс, с его анонимной формой авторства, определяется этосом идентичности, реализуется «в ментальном пространстве *хорового единогласия*». Выражая *мы-сознание*, он создает пространство приобщения, выражая идею стабильности [Тюпа 2010: 104—105, 101]. Но в рассматриваемом нами случае рекламный дискурс выступает как фикция, симуляция, объединяет людей в массу потребителей призрачного товара. Но в аспекте социальной антропологии такая реклама-«заговор» или «заклинание», будучи вездесущей, агрессивно унифицирует людей, лишая их сферы приватного, призывая поступать как все. Формы сужения области индивидуально-личностного, приватного существования прослеживает П. А. Ефремов: «Мы живем в ситуации открытости, доступности... <...> Контроль всех участков культуры и бытия человека приобретает тотальный характер» [Ефремов 2010: 391].

Вновь приехавшие в Москву писатели помнят жаргонное значение некоторых слов, приобретенное ими в эпоху 90-х. Так, у Л. Горалик «сердце кровью обливается» при виде объявлений в зоомагазине: «„Заказать котенка“, „Заказать щенка“ („заказать“ — послать наемного убийцу)» [Горалик 2010: 155]. Она же по поводу статьи одного журналиста, озаглавленной «Росбанк подал на развод» (Росбанк отказался спонсировать премию Аполлона Григорьева), пишет: лучше бы назвать статью «Росбанк больше не разводится» (т. е. не поддается на мошенничество) [Горалик 2010: 187]. Сами авторы вообще охотно каламбурят. А. Генис звонит

по телефону из скверика на Лубянке: «Я сижу... — начал я. — Где? — нервно спросили в трубке. — На Лубянке. — Не засиживайся!» [Генис 2011: 71]. В книге Л. Горалик есть запись: «На дивной выставке советского белья представлена куча спортивных плакатов советского времени <...> Среди прочих изысков такая картина: человек с напряженным, серьезным лицом протягивает зрителю руку в нервном жесте. Над ним — жирными черными буквами: „БЕЖИМ!“ И больше ничего. Год — 27-й. Посадили художника или нет?» [Горалик 2010: 62—63]. Язык хранит память о неблагополучии, которое, возможно, не вполне ушло из современной жизни.

Раздражает «заемная мудрость» на плакатах в метро: «„Любовь к родине начинается с семьи“, — прочел я, коротая путь под землю. Изречение Фрэнсиса Бэкона иллюстрировала матрешка, некстати напомнившая мне начиненного бабушкой волка из „Красной шапочки“» [Генис 2011: 75—76]. По поводу афоризма, также увиденного в метро: «Будет богат, кто на поле своем трудов не жалеет. Катон», рассказчик задумался: Старший или Утический Катон сформулировал эту максиму, ведь Старший не советовал снимать цепи с рабов даже в праздники [Генис 2011: 77—78]. Плакат на ВДНХ: «Построй храм себе и своим детям!» — с сарказмом комментирует Л. Горалик: «Тянет добавить: «На своем приусадебном участке!»» [Горалик 2010: 59].

За американизированной поверхностью по-прежнему скрывается почти языческая вера в магическое слово. Л. Горалик рассказывает, как однажды машина стукнула ее зеркалом в живот. Не удержавшись, она погрозила машине рукой и обругала ее на иврите. Буквально тут же машина попадает в аварию, «и тут одна старушка ледяным голосом произносит: „Ведьма!“ Триста лет испанской инквизиции встают у меня перед глазами» [Горалик 2010: 53]. А. Генис рассказывает о рамках-металлоискателях при входе в здания. Его удивило, что никто не просил снять часы и подтяжки. При ближайшем рассмотрении одной из них оказалось, что это деревянная крашеная рама, имитирующая металлоискатель: «митковский ответ террору был деревянным» [Генис 2011: 72].

Любопытно, что москвичи безошибочно опознают приехавших из-за границы. Так, по словам Л. Горалик, продавщицы в гастрономе поинтересовались, местная ли она, а на вопрос Горалик пояснили: «...что это вы все „спасибо“, „пожалуйста“, в очереди пропускаете» [Горалик 2010: 55].

Таким образом, заемные внешние признаки цивилизованности западного образца

нередко оказываются лишь внешней «упаковкой» чего-то очень исконного, хорошо знакомого. Двоемыслие (не политическое, а корыстно-циничное) сохранилось и в постсоветский период, по свидетельству А. Гениса: как-то за соседним столиком в ресторане трое либералов уговаривали четвертого, из Бруклина, спасти русскую свободу. Автор пишет: «По-английски беседа шла о демократии, по-русски — о грантах. „Мы еще обучим Америку“, — слышалось мне» [Генис 2011: 73].

Л. Горалик приводит в своей книге диалог с дедом-таксистом:

«На светофоре дед разглядывает вывеску магазина одежды; вздыхает и говорит: „Вот что такое даланты, а?“ Я не имею ни малейшего понятия. „Ну ладно, — говорит дед, ничего. Это, поди, все равно не для русских пишут, для иностранцев; иностранец, наверное, сразу бы понял“. „Вы знаете, — говорю, — я вот одиннадцать лет в России не жила — и нет, не понимаю...“ Дед замолкает. Едем дальше. Он начинает опять: „Вот знаете, я сегодня видел автозаправочную мастерскую — называется „Алан“. Ну что за слово такое бессмысленное, а?“ „Вы знаете, — говорю, — у меня брата зовут Алан...“ Легкий конфуз. Едем вдоль Яузы. Наконец дед говорит: „Ну ладно, скоро здесь введут этот язык... Ну, на котором в России раньше говорили... (Господи, думаю, о чем это он?) Ну, этот, на котором в аптеках пишут!.. Латынь!“» [Горалик 2010: 58].

Этот пример показывает не только низкий культурный уровень «маленького человека», но и отчужденность его от окружающей языковой среды, которая кажется ему непонятной и «введенной» кем-то свыше.

Рассмотренный материал позволяет сделать следующие выводы. В Москве 2000-х гг., выступающей в данном случае репрезентантом российского культурного пространства в целом, «языковой воздух» представляется приехавшим после десятилетнего перерыва людям весьма загрязненным. Желание включиться в процессы глобализации, повысить акции своего «тренда» заставляют рекламщиков и криейтеров без всякой меры использовать иноязычную лексику, пусть даже бессмысленную в данном контексте, но «красивую», «продвинутую». Для «новых эмигрантов» или «экспатов» тоска по родине сосредоточивается на русском языке (поскольку поток транспорта, супермаркеты, визуальный облик улиц, архитектура домов становятся более обезличенными: по словам Л. Горалик, «центр Москвы часто выглядит как окраина Лас-Вегаса» [Горалик 2010: 39]). Умиление вызывают речевые формы,

воспринимаемые как чисто русские, московские («яичечко», «колбасынька»), а вот наносное, заимствованное иронически отторгается. Беспокоит авторов рассмотренных произведений падающий уровень культуры и, в частности, грамотности, среди массы «общества потребления». Сами авторы, даже пребывая за границей, пишут по-русски и для русского читателя, тем самым продолжая традицию отечественной книжной культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барковская Н. В. Страна без территории: русские парижане в изображении Н. А. Тэффи // Русское Зарубежье — духовный и культурный феномен : материалы Междунар. науч. конф. — М., 2003. Ч. 1.
2. Генис А. Странник. Путевая проза. — М. : Новое литературное обозрение, 2011.
3. Горалик Л. Недетская еда. Без сладкого. — М. : ОГИ, 2010.
4. Гройс Б. За пределами США нельзя объяснить ничего, кроме Супермена: интервью. URL: <http://vozduh.afisha.ru/art/boris-groys-za-predelami-ssha-nelzya-obyasnit-nichego-krome-supermena/> (дата обращения: 03.06.2015).
5. Ефремов П. А. Приватность в современной культуре: семиотические аспекты // Культура в фокусе знака. — Тверь : СФК-офис, 2010.

A. N. Yurkina
Ekaterinburg, Russia

DISCURSIVE PORTRAIT OF MOSCOW IN THE EYES OF “NEW” EMIGRANTS

ABSTRACT. *On the material of literary works by A. Genis, L. Goralik and T. Tolstaya the author studies the modern everyday Russian speech which can be heard in transport, shops, cafes and in the streets, written on billboards and banners, i.e. everyday «low colloquial» discourse. The author shows the eclecticism of the modern Russian advertising and everyday types of discourse in conditions of cultural globalization. A mix of vocabulary of different languages produces a comic effect and leads to asemanticism of the utterance and breach of speech norms. The writers who came to Moscow after having been away for 10 years are truly moved by typically Moscow words and sharply feel the negative processes in the sphere of speech. Strong wish to preserve the purity of the Russian language brings their position close to the strategy of language identity of the Russian emigrants of the early 20th century. At the same time the peculiarities of the emigration of the late 20th – early 21st centuries, which does not mean fatal estrangement from the Motherland, deprive the literary works under analysis of idealization and nostalgia and reinforce the ironic mood of narration. Moscow, according to A. Genis, is seen as “a world capital with infernal, but comical tint”, which is sharply revealed in everyday speech communication. Behind the Americanized surface one could clearly see almost pagan belief in a magic word.*

KEYWORDS: Russian literature abroad; speech portrait; national mentality; globalization.

ABOUT THE AUTHOR: Yurkina Alla Nikolayevna, Post-graduate Student, Institute of Philology, Culturology and Intercultural Communication, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.

LITERATURE

1. Barkovskaya N. V. Strana bez territorii: russkie parizhane v izobrazhenii N. A. Tefi // Russkoe Zarubezh'e — dukhovnyy i kul'turnyy fenomen : materialy Mezhdunar. nauch. konf. — M., 2003. Ch. 1.
2. Genis A. Strannik. Putevaya proza. — M. : Novoe literaturnoe obozrenie, 2011.
3. Goralik L. Nedetskaya eda. Bez sladkogo. — M. : OGI, 2010.
4. Groys B. Za predelami SShA nel'zya ob'yasnit' nichego, krome Supermena: interv'yuu. URL: [http://vozduh.afisha.ru/art/boris-groys-za-predelami-](http://vozduh.afisha.ru/art/boris-groys-za-predelami-ssha-nelzya-obyasnit-nichego-krome-supermena/)

6. Жиличева Г. А. Нарративные стратегии в жанровой структуре романа (на материале русской прозы 1920—1950-х гг.). — Новосибирск : НГПУ, 2013.

7. Минеева И. Н. Русская литературная эмиграция на рубеже XX—XXI вв.: имена, сюжеты, культурные конвергенции : учеб. пособие. — Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2013.

8. Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий. — М. : Изд-во Кулагиной : Intrada, 2008.

9. Решетникова Е. В. Ключевые мотивы книги Линор Горалик «Недетская еда. Без сладкого» // Урал. филол. вестн. Сер. «Драфт: молодая филология» / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2014.

10. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. Изд. 2-е. — М. : Академический проект, 2001.

11. Творчество Н. А. Тэффи и русский литературный процесс первой половины XX века. — М., 1999.

12. Толстая Т. Легкие миры. — М. : АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2014.

13. Тэффи Н. А. Собр. соч. В 3 т. Т. 3. — М., 1998.

14. Тюпа В. И. Дискурсные формации. Очерки по компаративной риторике. — М. : Языки славянской культуры, 2010.

15. Черняк М. А. Актуальная словесность XXI века: приглашение к диалогу : учеб. пособие. — М. : Флинта : Наука, 2015.

ssha-nelzya-obyasnit-nichego-krome-supermena/ (data obrashcheniya: 03.06.2015).

5. Ефремов П. А. Приватность в современной культуре: семиотические аспекты // Kul'tura v fokuse znaka. — Tver' : SFK-ofis, 2010.

6. Zhilicheva G. A. Narrativnye strategii v zhanrovoy strukture romana (na materiale russkoy prozy 1920—1950-kh gg.). — Novosibirsk : NGPU, 2013.

7. Mineeva I. N. Russkaya literaturnaya emigratsiya na rubezhe XX—XXI vv.: imena, syuzhety, kul'turnye konvergentsii : ucheb. posobie. — Petrozavodsk : Izd-vo PetrGU, 2013.

8. Poetika: slovar' aktual'nykh terminov i ponyatiy. — M. : Izd-vo Kulaginoy : Intrada, 2008.
9. Reshetnikova E. V. Klyuchevye motivy knigi Linor Goralik «Nedetskaya eda. Bez sladkogo» // Ural. filol. vestn. Ser. «Draft: molodaya filologiya» / Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2014.
10. Stepanov Yu. S. Konstanty: slovar' russkoy kul'tury. Izd. 2-e. — M. : Akademicheskiy proekt, 2001.
11. Tvorchestvo N. A. Teffi i russkiy literaturnyy protsess pervoy poloviny XX veka. — M., 1999.
12. Tolstaya T. Legkie miry. — M. : AST : Redaktsiya Eleny Shubinoy, 2014.
13. Teffi N. A. Sobr. soch. V 3 t. T. 3. — M., 1998.
14. Tyupa V. I. Diskursnye formatsii. Ocherki po komparativnoy ritorike. — M. : Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2010.
15. Chernyak M. A. Aktual'naya slovesnost' XXI veka: priglashenie k dialogu : ucheb. posobie. — M. : Flinta : Nauka, 2015.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Н. В. Барковская.